

ВЛАДИМИР НИКИФОРОВ

СНАЙПЕРЫ

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

Сибирский приключенческий роман

Владимир Никифоров

Снайперы (сборник)

«ВЕЧЕ»

Никифоров В. С.

Снайперы (сборник) / В. С. Никифоров — «ВЕЧЕ»,
— (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-8634-4

1950 год. По великой сибирской реке отправляется на Север караван из лихтера с рыбаками и баржи-тюрьмы. Но роковым образом обычный рейс превращается в дорогу смерти: тонет молодой зэк, подстреленный при попытке к бегству, гибнут солдат-конвоир и его несостоявшаяся любовница, малолетняя дочь шкипера баржи. В конце концов невольным «снайперам» – шкиперу лихтера и его племяннице Марусе – удастся выследить и уничтожить предателя-убийцу... Не менее трагичен финал повести «Жизнь Клим Гордеева». И дело не только в уходе из жизни героев повести: из жизни уходят честь и вера, а любовь становится преступлением. Знак информационной продукции 12+

ISBN 978-5-4444-8634-4

© Никифоров В. С.
© ВЕЧЕ

Содержание

Снайперы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Никифоров Снайперы (сборник)

© Никифоров В. С., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

Снайперы

Серым октябрьским днем 1941 года по вязкой болотистой равнине с редкими деревьями и мелким кустарником идут оборванные, усталые, измученные окруженцы, не дожидаясь отставших и не успевая хоронить умерших от ран. Слышится мерное чавканье грязи под ногами да редкие фразы, сказанные сиплыми, севшими от голода и усталости голосами:

– Куда идем-то?

– Говорят, к Гжатску пробираемся... Там вроде основные части...

– А как не фриц? Кто его ждал на Угре? А он вот, тут как тут!

– Генерала убило...

– Что генерала! Считай, дивизии как не бывало...

В пасмурном небе раскатывается гул самолетов.

– Воздух! – кричит паренек в шинели с двумя кубарями в петлицах. Окруженцы валяются на землю, но вместо бомб из облаков сыплются большие белые хлопья. Молоденький лейтенант вскакивает с пистолетом в руке:

– Не подбирать! Не читать!

– Да мы же на сигарки! – добродушно сипит пожилой красноармеец, устраиваясь поудобнее спиной к деревцу с листовкой в одной руке, а другой доставая кисет.

Лейтенант подбегает к старослужащему:

– Отставить! Под трибунал пойдешь!

Тот отвечает тоже криком:

– А где он, твой трибунал, ети твою мать? Где?! Просрали вы со своими трибуналами Россию!

– Что?! Вражеская агитация? Да за это по законам военного времени!..

– Пусть по этим законам ответят те, кто полстраны фрицу отдали!

– Да я тебя!.. Да ты у меня!.. – Лейтенант поднимает руку с пистолетом. – Встать!

Старослужащий, вдруг разом посерев лицом, медленно поднимается на ставшие непослушными ноги. Гремит выстрел, и тут же, словно это была команда кому-то, за спиной красноармейца раздается взрыв, и пожилой солдат падает с листовкой в побелевших от напряжения грубых пальцах.

Затемнение. Тонкие пальцы бережно расправляют листовку с аккуратно напечатанным текстом: «Командиры и бойцы Красной Армии! Ваше положение безнадежно. Ваша борьба бесполезна. Торопитесь! В случае перехода на немецкую сторону Вам будет оказан надлежащий прием и обеспечено равноправное место в дружной семье народов новой Германии без жидов, большевиков и капиталистов.

Смерть

Сталина

Спасет

Россию!»

Бойко молотя воду плечами, по узкому и извилистому в этих местах участку великой русской реки, у подножия высоких отвесных скал, торопится вниз по течению, на север, к большому сибирскому городу, пассажирский пароход «Лазарь Каганович». В трюме на полках и на полу, в проходах, на корме, на верхней палубе, перед самой рубкой на деревянных скамейках, расставленных вдоль поручней, спят пассажиры – колхозники, сумевшие, кто на время, а кто и навсегда, вырваться из деревни. Лишь один из пассажиров не спит – молоденькая девушка в тесном пальто и темной косынке на тугих косах. Она сидит на скамейке, у ног фанерный чемодан, и все всматривается, всматривается вдаль, но впереди, как и по сторонам, тоже берег, и девушке непонятно, как это пароход пойдет дальше, он же упрется в

скалы? Но пароход делает медленный поворот, и берега раздвигаются, открывая новый плес, и девушке кажется, что так будет длиться бесконечно и она никогда не приедет в большой город, где ее ждет новая жизнь. Какая она будет, эта жизнь? Какие люди ей встретятся, добрые или злые? Она верит, что добрые, ведь это город, тот мир, про который говорила ее мама, провожая возле дома: «Мир, Маруся, – он не без добрых людей, совсем пропасть не дадут!»

Но вот наконец после одного из поворотов открылся далеко впереди город по обеим сторонам реки; приближается, растет прямо на глазах железнодорожный мост, по которому идет настоящий паровоз с вагонами, и Маруся, шевеля губами и радостно блестя глазами, считает вагоны: «Тридцать шесть, тридцать семь...» Когда проплывали с огромной скоростью под мостом, паровозов и вагонов уже не было, но Маруся все равно сжалась и глаза зажмурила от страха: вдруг сейчас мост упадет прямо на нее?

На левом от парохода берегу сразу за мостом стоят на берегу новенькие комбайны, и Маруся с радостью узнала своего «Сталинца», на таком прошлым летом она работала помощником штурвального.

Ниже по реке, перед самой пристанью, оказался еще один мост, понтонный, но сейчас, ранним утром, он разведен для прохода пароходов и барж. Миновали его, и в это время над правым берегом, над голыми бурыми сопками, поднялось рыжее солнце, большое и теплое, как каравай, испеченный добрыми мамиными руками.

Пассажиры уже поднялись, собрались, переставили поближе к выходу сундуки, мешки, корзины, тюки и котомки; перед швартовкой пароход гудит как улей.

Маруся не торопилась выходить, она все стояла и смотрела с верхней палубы на встречающих, толпившихся на дебаркадере, и наконец увидела, узнала:

– Дядя Петя!

– Маруся!

Огромный человек в форменной фуражке прорвался, смяв встречных, на пароход, на верхнюю палубу, и вот уже обнимает, тискает Марусю, гудит восторженно:

– Ну слава богу, радость моя! А то ведь нас могут увести сегодня в рейс.

– На Север?

– На Север, родная, на север. Но ты его не бойся, Север – он теплый!

– Я с вами, дядя Петя, ничего не боюсь!

– Ты же наша, Дворкина, а Дворкины ничего не боятся!

Дворкин берет чемодан, и они сходят на дебаркадер, а потом по трапу на берег, пристроившись в хвост многоголовой и многоголосой очереди.

– Как мама? – кричит Дворкин.

– Ей будет тяжело без меня. Я даже не хотела ехать...

– Как так? Ведь все вроде решили.

– Она прямо силой заставила...

– Жалко Наталью, да при ней малец остается, все не одна. А тебе так и так надо из деревни выбираться, да и мне помощница нужна. Свой человек – это как третья рука!

– Дядя Петя, мы сейчас куда?

– На лихтер! Устроишься, чаю попьем и – в кадры. Я уж там все решил. – Подмигивает Марусе. – Дворкин дело знает туго!

– Ой, дядя Петя, какой ты! – Маруся приподнимается на цыпочки и чмокает Дворкина в щеку.

Дворкин растроганно моргает повлажневшими глазами.

– Эх, Маруся! Как ты на мать свою похожа в молодости! Прямо одно лицо!

Маруся лукаво улыбается:

– Она мне кое-что рассказывала, как ты... ухаживал за ней.

– Ухаживал... Не то слово! А она вот папку твоего выбрала, брата моего... покойного.

Грустно умолкает. Но у Маруси скорбь по отцу прошла, притупилась, он – где-то там, далеко-далеко в прошлом, а она – здесь, ей жить, радоваться, ждать свое счастье.

* * *

А совсем рядом, на втором этаже дебаркадера, в комнате отдыха транзитных пассажиров, разбуженные пароходом, лежат на своих кроватях под чистыми казенными простынями Дима и Андрей.

– Выспался? – спрашивает Андрей.

– Спал – как убитый. Как в детстве, когда набегаясь за день... И так хорошо тут: вода плещется, пристань наша покачивается.

– Эта пристань называется – дебаркадер.

Дима задумчиво повторяет на французский манер:

– Дебаркадер...

Слово это напоминает ему что-то далекое, смутное: гудок паровоза, шипение пара, лязг буферов; мужчины в шляпах, женщины в длинных платьях прохаживаются вдоль синих вагонов, где даже тамбуры сияют чистотой и позолотой...

Словно вернувшись из другого мира, он оглядывает комнату и замечает большую черную тарелку радиорепродуктора.

– Тут радио есть! Послушаем?

Андрей молча смотрит на него, потом произносит медленно и, как показалось Диме, с угрозой в голосе:

– Не буди лихо!..

И другим голосом, мягким, грустным:

– ...пока оно тихо.

Дима решительно вставляет вилку в розетку.

– ...июня 1950 года лисынмановские вооруженные силы по указке их хозяев из Вашингтона вторглись на территорию Коре́йской Народно́й Демократи́ческой Респу́блики.

– Вот видишь, Дима, – слабым голосом говорит Андрей, прикрыв глаза рукой, – я ведь предупреждал!

– Что это, Андрей?

– Это, Дима, война.

– Какая война, зачем?

– Может быть, третья мировая. А зачем? Тебя ведь учили, что такое война?

– Наше дело правое, победа будет за нами! И мы победили!

– Война, Дима, это средство решения своих проблем за чужой счет.

– А разве нельзя свои проблемы решать за свой счет и без войн?

– Можно. Только результат будет другим.

– Да что мы как на политзанятиях? Я в армии сам их проводил...

Андрей отнимает руку от лица, смотрит на Диму с неожиданной нежностью.

– А вот повоевать не пришлось.

– Тебе повезло...

– Какое там! – горячо перебивает его Дима. – Мне бы на год раньше родиться – я бы как раз Берлин штурмовал!

– ...Корейский народ под руководством Ким Ир Сена...

– Выключи, – просит Андрей.

Дима хочет что-то возразить, но все же дергает шнур.

– Это же сколько тебе будет в 2000 году? – спрашивает Андрей.

– Семьдесят два.

– А мне за восемьдесят. Если доживу. Нет, вряд ли, с моими грехами... А ты – чистый, ты доживешь. И встретишь двадцать первый век и третье тысячелетие. Представляешь, какая тебе удача выпала? А ты говоришь – не повезло! Живи и радуйся! – Помолчав. – Если есть чему радоваться...

– Как «чему радоваться»? Карточки отменили? С голоду не умираем? В магазинах все полки завалены! Да нам бы еще лет пять продержаться, чтобы не было войны, а потом никакой империализм не страшен. Все восстановим, новые города построим, братские страны окрепнут, если что, нас поддержат, атомных бомб у нас будет больше, чем у Америки...

Андрей смотрит на Диму, подперев голову рукой.

– И корейцам товарищ Сталин поможет! Это наши друзья, они за нас! Если будут набирать добровольцев, я запишусь! Не воевал в Германии, повоюю в Корее! Там военные специалисты очень нужны!

– Эх ты, военный специалист...

Открывается дверь, входит шкиперша в ватнике, повязанная теплым платком.

– Это кто тут воевать собирается?

Дима сигает под одеяло.

– Не навоевались ишшо? Жили бы да жили, нет – воевать надо! Бонбу придумали, атомов им не жалко, их же столько надо собрать на одну бонбу!

Андрей прикрывается одеялом с головой и беззвучно хохочет.

– А вы, ребята, вставайте-ка. Я вас пустила без бумажки, пожалела. А сейчас уходить надо, пока никто не видит. Я тут приберу, застелю чистым, как будто никто и не ночевал.

– Спасибо вам, – говорит Андрей, откинув одеяло с лица, – вы очень добрая. Только можно мы свой скарб, – кивает на вещи в углу, – здесь до обеда оставим?

– А снесете ко мне в кладовую, пусть хоть до снега лежит.

Садится на стул, сбрасывает с головы платок. Открываются неожиданно пышные темные волосы. И шкиперша оказывается вовсе не старухой, а крепкой сорокалетней женщиной.

– Куда путя-то свои держите, если не секрет?

– Мы в рыбацкую артель поступили, – рассказывает Дима, привстав в постели и потянувшись к одежде, – вчера все документы оформили, справки получили, вот, смотрите, а сегодня будем грузиться на лихтер.

– А-а, с Дворкиным, значит, поплывете, со старым кобелем.

– Ну, нам-то, – усмехнулся Андрей, – сами понимаете, этот кобель, как вы выразились, не страшен.

– Да кто его боится? Болтун, хохотун, но дело знает. Ага... С рыбой всегда, нос в табаке, под боком жена не жена. Сейчас с какой-то молоденькой целовался, страмота... – Говорит осуждающе, а глаза между тем игриво поблескивают. – А на Севере и я была.

– Ну и как там? – спрашивает Дима.

– А как – зубы вот потеряла, а ревматизм взамен получила. – Заканчивает почти бойко: – Так-то вот, мальчики!

Мальчики молчат. Шкиперша поднимается с видимой неохотой.

– Ну ладно, вставайте. Была б моя воля, поселила бы вас здесь, живите, сколь хотите, хорошие вы ребята, сразу видно.

После ее ухода Дима в возбуждении шепчет Андрею:

– Хозяйка-то! Глаз с тебя не сводила!

– Дурень ты, Димок! Это она тебя усыновить хотела!

Пересмеиваясь, начинают одеваться.

* * *

Утро на пересыльном пункте.

– Выходи по списку! С вещами на выход!

Из барака, где лежат вповалку тысячи заключенных, медленно выходят выкликаемые нарядчиком, образуют неровный строй, негромко переговариваются. Все уж знают, что готовится этап на Север, в Нордлаг, на строительство комбината «Норд».

– Слава богу, отправляют.

– А мне и тут хорошо!

– А на Севере еще лучше: двенадцать месяцев зима – остальное лето!

– Александр Ксенофонович! Говорят, что на барже поплывем...

– На плавучей тюрьме. Как при царе-батюшке.

– Извините, при царе плавучих тюрем не было, я точно знаю.

– Ну как при Колчаке...

– Извините, не при Колчаке, а при белочехах. В девятьсот восемнадцатом.

– Какая разница!

– Товарищ, вы не знаете...

– Тамбовский волк тебе товарищ!

– Я просто хотел спросить: а книги позволят взять с собой?

– Там, это... газетку выдадут!

Принимающий конвой обходит строй, проверяет номера на спинах заключенных, роется в мешках и котомках.

– Колюще-режущее сдать!.. Зубной порошок? Не положено!.. Это что такое?

– Книга. «Славим Отечество» называется. Выпущена специально для выборов в Верховный Совет. Я агитатором был, очень мне помогла.

– Выборы прошли. Книгу изъять.

– Но, гражданин начальник! Там есть такие стихи, про коммунистов! Они помогают мне и здесь оставаться коммунистом!

– Ты враг народа, а не коммунист! Какое наказание получил?

– Десять лет лагерей.

– Будешь залупаться, еще столько же получишь.

* * *

На ступеньках крыльца отдела кадров пароходства, на траве, в чадном садике сидят, стоят, лежат, ждут старые и молодые, мужчины, женщины и дети, с узлами, чемоданами, хозяйственными сумками; все это похоже на вокзал, да и сам вокзал речной – дощатый, деревянный, – рядом.

Деловито проходит комсостав в кителях с серебряными погонами. Степенно шествует молодая дама с волосами, уложенными валиком, в приталенном платье с прямыми широкими плечами.

Приблатненный парень в майке, с наколками на руках, передразнивает ее походку, вздернув голову, вихляя тощими ягодницами и выворачивая ноги в хромовых сапожках. Веснушчатая девушка в кубанке, возможно, для которой и дается представление, прыскает в кулачок. Даже пожилой отец семейства, расположившегося кружком вокруг своего нехитрого скарба, словно очнулся от тяжелой непреходящей думы; что-то, отдаленно напоминающее улыбку, скользнуло по его неподвижному лицу.

По ступенькам крыльца спускаются Дворкин и Маруся. Дворкин, широкий телом и душой, то и дело похихатывает. Маруся – в платье горошком, которое сидит на ней ловко, нарядно, празднично, напоминая о чем-то далеком, давнем, забытом, потерянном, нездешнем.

Маруся читает вслух:

– «Зачислить Дворкину Марию Ивановну матросом лихтера № 12 с оплатой по штатному расписанию». Дядя Петя, а что значит – по штатному расписанию?

– А то и значит, что будешь каждый месяц получать 366 рублей, да 150 за коллективное питание, да за недостающих, да премии.

– А за трудовни? – лукаво интересуется девушка.

– Дурочка ты колхозная! Хватит, поиздевались над тобой, поживешь как человек, а не как скотина.

– Дядя Петя, – говорит Маруся, оглядываясь, приглушенным голосом, – вы сильно-то не кричите, а ну как напишут куда.

– Хо-хо! Кто напишет? Куда напишет?

– Сами знаете, кто и куда, – строго говорит Маруся. – У нас в деревне что ни скажи – уполномоченный все знает.

– А у нас на «Красном Пахаре» одного такого писаря ночью за борт отправили, рыбам на корм!

Маруся дергает Дворкина за рукав.

– Дядя Петя!

– У нас на флоте с этим делом просто!

– Скажете, нет таких, кто подслушает да напишет?

– Хо-хо! Почему «нет»? Есть! Меня знакомый опер предупредил: смотри, кум, на тебя стучат! Я вот думаю, что это мой помощник, Кузьма, он всю дорогу что-то строчит!

– Вот видите, – улыбается Маруся. – Вы поосторожнее!

– А я его не боюсь. У меня заговор против него есть.

– Какой, дядя Петя?

– А я всем про него рассказал и Кузьме говорю: если меня из шкиперов турнут – тебе не жить, а уж работать на флот никто не возьмет, это – убежденно! – Неожиданно по-родственному, но с явным удовольствием обнимает Марусю. – Ох, и заживем с тобой! Пусть моя Шура хоть одно лето с ребятишками на берегу поживет. Я думаю в этом Приречном осесть. Огородишко возьму, дом поставлю – на две семьи.

– Зачем на две?

– Хо-хо! А ты замуж не собираешься?

– Нет, – искренне отвечает Маруся.

Дворкин отходит, оглядывает ее.

– Да к концу навигации выскочишь! Только ниже штурмана не бери! Через пару лет – капитаншей будешь! Сейчас много новых теплоходов пришло с перегона, «петушки» называются.

– Петушки? Смешно!

– А у них гудок такой, – объясняет Дворкин, – кукареку! Оба смеются.

– Ох, дядя Петя, как мне хорошо с тобой!

– Так, считай, родная кровь!

Маруся вдруг останавливается как вкопанная.

– Дядя Петя, мы куда пришли?

– Хо-хо! Написано же: ресторан! Или ты читать не умеешь?

– Семь классов кончила! Не то что некоторые!

Дворкин вздыхает.

– Эх, мне бы твоей грамотешки! Я бы давно капитаном был. Или главным диспетчером.

Дворкин, заметно погрузнев, поднимается по ступенькам в дальнем крыле дощатого вокзала. Маруся упрямо стоит внизу.

– Я не пойду!

Дворкин оборачивается к ней с просящим выражением толстого лица.

– Пожалей, Маруся! С утра не евши!

– Девушки в ресторан не ходят!

– А ты здесь не девушка!

– Нет, я девушка!

Дворкин заинтересованно спускается вниз.

– Да я про другое... А ты что, в самом деле, еще ни с кем?

Маруся, покраснев, топает ногой:

– Дядя Петя!

– Матрос Дворкина! – громко, словно на палубе, командует тот. – Следуйте за мной!

Маруся опускает глаза.

– Так бы сразу и сказал, – шепчет она и поднимается на крыльцо ресторана.

* * *

Речной порт окружен с трех сторон (с четвертой – вода) высоким забором с колючей проволокой. У нового причала с приземистыми железнодорожными кранами стоит обычная деревянная трюмная баржа с каютами на корме и рубкой, но оба трюмных люка забраны решетками. У выхода из трюма тамбур. Вдоль каждого борта по четыре ручных насоса с деревянными ручками-рычагами. На корме по бортам плавучей тюрьмы торчат деревянные сооружения, напоминающие качели. По палубе прохаживаются двое конвойных.

Заключенные-докеры в вылинялых робах и суконных шапочках грузят на палубу баржи полевую кухню на колесах и вагончик. Вагончик раскачивается на гаке у крана «Январец», ударяется о тамбур.

– Эй, поосторожнее! – с визгливым криком с кормы бежит заросший щетиной мужик в затрапезном ватнике, в шапке – одно ухо опущено, другое торчит, сам похожий на зэка. – Кто отвечать будет?

– Пушкин!

Из-за вагончика высовывается молодой зэк, с любопытством смотрит на мужика:

– Ты кто?

– Я шкипер!

– Шкипер, брось вонять, – лениво цедит другой зэк.

– Я, – заходится шкипер, – правду воняю!

К барже-тюрьме подъезжает крытая машина-воронок. Выходит начальник конвоя, спускается по трапу на баржу. Один из конвойных подбегает к нему.

– Камеры осмотрели?

Конвойный – молодой, розовощекий, голубоглазый:

– Ага.

– Не ага, а есть.

– Есть, товарищ младший лейтенант.

– Что есть?

– Ага, осмотрели.

Начальник конвоя машет рукой:

– Ступай на пост.

Кричит:

– Найди шкипера!

А шкипер уже здесь:

– Здравствуйте, гражданин начальник!

Начальник конвоя, не отвечая на приветствие, показывает рукой на качели:

– Эт-что такое?

Шкипер оживляется:

– Щас покажу! Айда-те!

Начальник конвоя нехотя идет за суетливо семенящим шкипером.

– Во, смотрите! – Шкипер ловко, по-обезьяньи, взбирается на качели, пробует их раскачать. – Качните-ка, а?

Начальник конвоя оглядывается – не смотрят ли подчиненные, неуверенно толкает качели. Шкипер начинает раскачивать деревянную люльку. Слышится храп засасываемой воды, и вот мутно-пенная жидкость струится по деревянному лотку за борт.

– Баржа – старая, – выкрикивает шкипер, появляясь рядом с начальником конвоя, – водотечная. Руками качать – замучаешься. Вот я и придумал. Пусть эки по очереди качают. А то, не дай бог, потонем.

– Ты мне брось – потонем! Нам с тобой не голову – скальп снимут!

– А у меня – во! – Шкипер сдергивает шапку с голой, как колено, головы, расплывается в беззубой улыбке.

– Там найдут, где и что снять!

Шкипер останавливает люльку, спрыгивает с качелей. Начальник конвоя задумчиво рассматривает люльку, толкает ее раз, другой:

– Шкипер, у тебя рейка есть?

– Брусочек?

– Нет, можно рейку.

– Найдем! А что надо?

– Клетку.

– А? – шкипер приподнял отвисающее ухо шапки.

– Клетку, говорю. Набей рейку покрепче да почаще, а с одной стороны вход. Шарниры есть?

– У шкипера все есть!

– И петли для замка. Замки я привезу.

– Только, – шкипер чешет под шапкой, – это же сколько работы да матерьялу.

– Материал – твой?

Шкипер прячет глаза.

– Мой.

– Ну, пиши там наряд-калькуляцию. Оплатим.

– Все сделаем, гражданин начальник!

– Какой гражданин, почему гражданин?

– Все сделаем, товарищ начальник! Айда-те, я вам вашу каюту покажу!

– А что ее смотреть? Кровать, стол-стул есть?

Шкипер восторженно перечисляет:

– Кровать, стол, табуретка, тумбочка, лампа семилинейная, радиоприемник «Родина» – батареи новые получил. Только, товарищ начальник, можно будет к вам радио приходиться слушать? Я про политику люблю!

– Политический, значит? – шутит начальник конвоя, но шкипер привскакивает как ошпаренный.

– Не, гражданин начальник, я за недостатку сидел.

– И много не достало?
– Тридцать ящиков.
– Водки, поди?
– Ее, родимой.
– Чувствую, мы с тобой сработаемся. Как звать-то?
– Степан... Степан Степанович.
– А меня – Федор Федорович. Видишь, как нас легко запомнить. А радио оставь у себя, оно же за тобой записано?
– Ну а как же!
– Вот и оставь. А меня, Степан Степанович, поставь на свое довольствие. Я с общего котла не наедаюсь. Пузо набьешь, а только пукнешь – и снова голодный. Да и изжога мучит.
– Все будет, Федор Федорович! Жена и приготовит, и подаст, и накроет!
– Ну а я в долгу не останусь. Весь свой паек, тушенку-сгущенку, отдам.
Шкипер едва не задохнулся от счастья.
– Федор Федорович! Все будет как надо!
Тем временем вагончик наконец установили. Докеры поднимаются на причал. Молодой ээк, заговорщески подмигнув товарищам, деловито направляется к верхнему причалу, где грузят мороженое мясо на широкозадый теплоход-холодильник «Советская Сибирь».

* * *

В обеденный час ресторан полон. Речники в кителях, бородатые геологи в свитерах, приезжие в мятых костюмчиках. В открытое окно виден рейд с баржами, понтонный мост. Понтоны тонут под грузовыми автомобилями и автобусами, словно клавиши рояля.

Дворкин и Маруся двое за столом, на нем графин пива и графин водки, перед Марусей бокал с вином.

– Надо использовать круговорот природы, – поучает Дворкин. – Купим в деревне картошки мешков десять по сто рублей. Это сколько?

– Тысяча рублей.

– В Дудинке моряки ведро с руками оторвут за те же сто. Это сколько?

– А мешки большие? – деловито интересуется Маруся.

– А-а, понимаешь! Бери по семь ведер, у меня ведро пожарное, оно меньше.

Маруся, подсчитав в уме, смотрит на дядю большими глазами:

– Шестьсот с мешка! Так ведь, дядя Петя, выгода-то получается шесть тысяч!

– Ну, шесть не шесть, – вздыхает Дворкин. – Сколько сгниет, да всю не продашь, да не за сто рублей. Но тыщи три-четыре – в кармане. А обратно наберем омуля, стерлядки, осетра. А уж если мои крестники уважат Дворкина...

– Какие крестники, дядя Петя?

Дворкин колеблется лишь одно мгновение.

– Ладно, ты свой человек. Расскажу. – Придвигается поближе к Марусе. – В прошлую навигацию я молодоженов на Север провез, они даже из каюты не выходили. Сама понимаешь, им скучно не было. – Подмигивает Марусе.

– Дядя Петя!

– А че такого? Их паспорта весь рейс у меня были, там все чин по чину, штампы стоят. Так что любись и размножайся!

– Дядя Петя!!

– Ладно-ладно. Так вот, на зиму они остались, чтоб пушнины добыть. А ты знаешь, она в какой цене? Шуру, тебя и ребятишек оденем, и еще на хороший дом останется!.. – Выпрямляется и продолжает обычным голосом: – А еще нерпы настреляем...

– А ее что, стреляют?

– Высунет она свою усатую мордочку из воды, ты ее – бах из карабина!

– Жалко!

– А людей стреляют – не жалко? Вон в Дудинке прошлый раз один зэк в бега пустился... Так на него охотились, как на зайца. Как на зайца!..

– Дядя Петя, не надо! – просит Маруся.

– Да ладно. А нерпу мы с тобой постреляем. Ты же у меня этот, как его... ну кто точно белке в глаз...

– Снайпер.

– Во-во! Снайпер. Передал нам с тобой деда Коля свое умение. Да вот с этими колхозами-совхозами – все прахом. Я хоть душой на Севере отхожу. Ох, Маруся, какое там душе раздолье! Только там себя человеком и чувствуешь. Верить-нет? Зона рядом, лагеря, зэки, беглых тьма, а уйдешь к пескам, бросишь якорь – и ты, как на другой земле: кругом птицы, звери, и ты сам, как птица или зверь, так бы и не возвращался к людям.

Дворкин неожиданно всхлипывает.

– Дядя Петя, вы что?

– А за что они отца твоего? Сами в теплом месте на жирных пайках отсиделись, а он, голодный да израненный, в плен попал... Думаешь, я от фронта скрывался? Нет, дядя Петя от фронта не скрывался, но нас привязали к Нордлагу да военное положение ввели. На работу опоздал – трибунал, на вахте заснул – трибунал... В Полое зимовали. С ребяташками малыми. Жрать – нечего. Я первым бы сдох, толстые – они самые слабые. Шура моя – тогда она еще в самом соку была – в столовую пошла. И вытащила нас. Где она только эту еду не прятала!

Дворкин наклоняется, шепчет Марусе на ухо. Та испуганно отстраняется:

– Правда, что ли?!

– Жить захочешь... А как-то приходит уже ночью. И рассказывает... Столовой штурман командовал, вот он и воспользовался... Он до сих пор в штурманах, так в капитаны и не выбился, бог шельму метит...

– А зачем... Зачем тетя Шура рассказала?

– А тяжело одной это носить, так я понял. Уж лучше мы с ней оба будем замаранные, а раз оба замаранные, то ближе друг к другу, вроде как повязанные одним. Хуже, когда один грязный, а другой от чистоты светится. Нет уж, пусть оба...

– И вы?..

– Погубить семью – дело не хитрое... А Шуру я... Шуру я еще пуще...

Маруся гладит его по руке, по плечу, по голове.

– Дядя Петя, не надо! Ну дядя Петя, у меня сегодня такой день!..

Дворкин вскидывает голову.

– Сказал дядя Петя, что вытащит тебя из колхоза – и вытащил!

Кричит официантке:

– Девчонка! Тащи печенку!

– Дядя Петя!

– Не бойся, Дворкина тут все знают!

Официантка, наклонившись над столом, ставит тарелки. Дворкин кладет ей пониже спины широкую мясистую ладонь.

– Вот так же в Казачинском пороге играет корма моего лихтера!

– А больше у вас ничего не играет в Казачинском пороге?

– Играет! Еще как играет! – восторженно кричит Дворкин.

Официантка уходит, крутя высоким, как у крольчихи, задом, то ли по привычке, то ли специально для Дворкина.

* * *

С широкобортного парового лихтера с грузовой стрелой на пологий берег брошены прочные мостки. В гору, к деревянным домам, над которыми возвышается тусклый купол полуразрушенной церкви, ведет пыльная дорога, запруженная грузовиками и телегами.

На лихтер грузятся лодки, бочки с солью, с сетями и пустые, под рыбу, доски и брусья, – все, что свезено на берег. У паровой лебедки орудует рычагами человек в синей спецовке со сморщенным лицом – Кузьма, помощник Дворкина.

– Вира помалу! – кричат ему с берега. – Да не дергай ты так, растуды твою душу!

– Майнай-майнай потихоньку! – доносится затем с палубы. – Да чтоб у тебя руки отсохли, лебедчик хренов!

На тонких губах Кузьмы счастливая улыбка; можно подумать, что ему доставляет удовольствие вызывать на себя ругань.

На берегу собираются бригады по 7 – 10 человек, в основном немолодые мужики, но есть и женщины – жены бригадиров, поварихи. Есть и женская бригада. Голос бригадирши, статной женщины с обветренным лицом, звучит уверенно, зычно.

С лихтера по мосткам спускается пожилой мужчина, одетый, несмотря на сухую погоду, в плащ-дождевик. Он переходит от одной бригады к другой, что-то объясняет, показывает. Бригадирши кивают, дают команду своим, начинается передвижение.

Догорают костры, у которых многие провели по несколько ночей. Снуют ребятишки в коротких штанишках на помочах, крутятся цыганки, зазывая погадать. Похоже на базар, который совсем неподалеку, через несколько улиц. Тут и зеваки, и знакомые рыбаков, и предприимчивые мужики:

– Слышь, паря, отойдем-ка!

– Че надо?

– На пару хвостов договоримся?

– Не, без пользы, у нас по счету, все рыбкопу сдаем – за руб-коп.

– Ну себе же ты привезешь?

– Себе – само собой! Пару бочек – как пить дать!

– Так что тебе стоит на пару хвостов больше?

– Ладно, встретишь, только расчет сейчас. Вон к моим бахилам поставь незаметно.

Вскоре у болотных сапог рыбака как бы сама собой оказывается вытертая хозяйственная сумка с «расчетом» – две бутылки водки с сургучной головкой.

С берега спускается парнишка в хромовых сапожках, что утром паясничал перед крыльцом отдела кадров. Его внимание привлекает женская бригада. Он, пританцовывая, подходит к бригадирше, тянет руку:

– Познакомимся! Павел! Кочегар широкого профиля!

Бригадирша оборачивается, оглядывает его с ног до головы и, под смех товарок, добродушно басит:

– Не гудел, а уже чалится!

Парень ловко выходит из щекотливого положения, шлепнув ладошкой по сапогу, – таким движением обычно заканчивается пляска, и движется дальше, к трапу.

На кухне баржи-тюрьмы шкиперша, дородная женщина с плоским лицом и пучком жиденьких волос на затылке, готовит немудреный обед. Двое детей, девочка постарше и мальчик, терпеливо ждут. За русской печкой на лавке сидит седой бледнолицый зэк в чистой застиранной робе.

– Думали, война кончится, все полегче будет, – говорит шкиперша без всякого выражения. – А нам, как тем медным котелкам, видно, всю жизнь терпеть.

– Претерпевший – он спасется, – доносится из-за печки слабый голос. – А кто терпеть не умеет – сам погибнет и род свой не сохранит.

– Вот он – мой род, что он видит? – показывает шкиперша на детей. – Иной раз идем, а на берегу пионерские лагеря, пионеры в белых рубашках с красными галстуками строим идут, а мои – всю жизнь в зоне. Хуже зэков, прости господи...

– Где дух Господень, там и свобода. Счастье да радость надо в себе найти, дух свой поднять, тогда и возрадуешься сама и детям своим свет откроешь.

– Уж не знаю, как мне свой дух-то поднимать. С утра до вечера на ногах: то учалка, то погрузка, сварить, накормить, постирать... На вахте стоишь и трясешься: как бы на мель не сесть, как бы не пробиться. И не за жизнь свою да детей боишься, а что начнут таскать да допрашивать, и не дай бог кого из начальства прогневить!..

– Всякая власть – она от Бога дадена. Посуди сама, кто ты без божьего наставленья? На то она и власть, чтобы напоминать...

С треском распаивается дверь. Молодой зэк с широченной улыбкой на нахальном лице выхватывает из-за пазухи добрый шмат мороженого мяса.

– Во, мамонта добыл! Свари, мать, поскорей, да своим оставь, – кивает на замерших у стола шкиперских детей.

* * *

В зале ресторана появляются Дима и Андрей. С недавно отпущенной бородкой Дима похож на юного витязя. Андрей – с длинным искривленным носом, с жидкими распадающимися волосами – напоминает попа-расстригу.

С «бородатых» столов машут руками:

– Андрюха, к нам!

Но Диму влечет к Марусе:

– У вас не занято?

– Дядя Петя, у нас не занято?

– Смотря для кого. – Дворкин оглядывает Диму и Андрея. – Прошу!

– Спасибо, – с иронической улыбкой произносит Андрей. Дима остоленело смотрит на Марусю:

– Куда я попал?

– Ты попал в ресторан «Садко», мой юный друг.

– О нет, нет! Я попал в девятнадцатый век! Мне всегда грезилось...

– Синонимы, пожалуйста, – просит Андрей, усаживаясь.

– ...мнилось, мечталось, дрімилось...

– Дрімилось – это хорошо, – кивает головой Андрей.

– ...что я однажды встречу вас – именно в таком вот платье в горошек, с длинной косой чисто вымытых волос...

– Я, правда, только позавчера была в бане, – смущенно, испуганно, радостно говорит Маруся.

– В курной? – с надеждой спрашивает Дима, усаживаясь напротив.

– Курная – это изба, а баня бывает черная, – поясняет Андрей.

Маруся смеется. Ей нравится этот светловолосый красавец. Она никогда таких не видела, а уж слышать такое!..

– У нас хорошая баня. Правда, дядя Петя?

– Ты еще не знаешь, какая у меня баня!

– А вы, – Дима смотрит на Дворкина чистыми глазами, – банщик?

– Нет, молодые люди, я не банщик. Но баня у меня есть. У меня много есть, чего вам и не снилось. Вы на Севере бывали?

Андрей усмехается, а Дима простодушно выкладывает:

– Нет, но как раз собираемся.

– Так вот, когда соберетесь да доберетесь, то спросите у первого встречного: кто такой кум Дворкин?

– Это ваша фамилия Кумдворкин?

– Кум это значит кум, родной человек. Кум Дворкин.

– И кто же вы?

– Нет, вы спросите об этом на Севере. В Карауле, в Усть-Порту, в Хатанге, в Воронцово, в Сопкарге, и вам скажут: Кум Дворкин – это...

Все замирают.

– Кум Дворкин – это...

Маруся в нетерпении топает ногами.

– Кум Дворкин – это человек!

Дима и Маруся одновременно начинают бить в ладоши. Маруся в порыве чувств целует дядю.

– А меня? – жалобно спрашивает Дима.

– А вас – на Севере. Если найдете.

– А где вас там искать?

Дворкин стучит вилок по алюминиевой тарелке:

– Маруся, ешь и пойдем!

Маруся подносит ко рту целый кусок печенки. Дима дергается как от удара. Андрей со снисходительной улыбкой берет нож и предлагает Марусе:

– Давайте я вам помогу. – Отрезает кусочек. – Ну вот, так лучше?

Маруся кивает головой и жует, воспринимая все как элемент ухаживания.

– А теперь попробуйте сами, – говорит Андрей. – Вилку в эту руку, нож в другую. Прижали, отрезали, на вилочку и в рот.

– Ой, – восклицает Маруся. – Я вспомнила, так в кино едят.

К Диме вернулась способность говорить.

– Так, к сожалению или к счастью, едят не только в кино. Моя тетушка, еще до революции, влюбилась в сына губернатора. Любовь, по ее уверению, была взаимной. Сын губернатора сделал ей предложение, но она отказала, сочтя, что ее манеры недостаточно хороши для губернаторского общества.

– А я, – усмехнулся Андрей, – слышал это от другой тетушки, но она говорила, что ей сделал предложение сын прокурора.

– При чем тут прокурор?

– Прокурор всегда ни при чем. Это мы – при чем.

– А у нас на Севере, – вступает в разговор Дворкин, – закон – тайга, прокурор – медведь.

Маруся смотрит с улыбкой на Андрея:

– Значит, ваша тетушка влюбилась в медвежонка?

– Она не моя тетушка, она – общая тетушка.

– Как это – общая? – интересуется Маруся.

Андрей смотрит на нее из-под полуопущенных ресниц:

– А по-всякому, кто как захочет.

Маруся краснеет, в словах и взгляде этого человека с кривым носом что-то грязное и одновременно влекущее. Она встает:

– Пошли, дядя Петя.

– Девчонка, – кричит дядя Петя, – тащи расчет!

* * *

Капитанская каюта на самом большом буксирном пароходе, который носит имя вождя и именуется флагманом, отделана дубом и красным бархатом.

За столом капитан – пожилой человек с густыми бровями, начальник пароходства – моложавый, с округлым нерусским лицом, и двое, чем-то похожих своей безликостью, только один, как и первые двое, в мундире, а другой в штатском.

На столе коньяк, икра, крабы, осетрина, маслины.

– Ну, выпало тебе, Сергей Палыч, – говорит начальник пароходства, закусив маслинами. – А с другой стороны, сам посуди: что рыбаки, что заключенные – для нас особый контингент. И отвечать за него всем придется. Я уж не говорю про себя – всем! А потому и решили: в одном караване лихтер с рыбаками и спецбаржу пустить. Чтобы все внимание пароходства на вас было. Так что тебе в чем-то тяжелее, а в чем-то легче будет. Диспетчера зеленую улицу обеспечат, нигде стоять не будешь. Связь – круглосуточно. Чуть что – МВД рядом, на каждой пристани будут в полной готовности.

Человек в мундире наклоняет голову в знак согласия, а человек в штатском, откашлявшись, вдруг произносит тонким, не вяжущимся с представительной фигурой голосом:

– И помните, что комбинат «Норд» – сталинская стройка! Будьте бдительны! Кругом враги! Они могут оказаться в вашем самом близком окружении!

Трое мужчин выслушивают эту тираду с каменными лицами.

– Будь начеку, Сергей Палыч, – начальник пароходства встает из-за стола; он оказывается совсем небольшого роста, но в белом генеральском кителе выглядит внушительно. – Сам знаешь, какое сейчас время.

И капитан понимает, что генерал имеет в виду вовсе не войну в Корее.

– Да, – вспоминает вдруг генерал, – с врачом экспедиции все решилось?

– Оформили в последнюю минуту.

– Прибыл? Устроился?

– Прибыл, – с чуть заметной улыбкой рапортует капитан. – Устроился.

– Тогда – счастливого плавания!

В плавлавке на дебаркадере, где отпускают товары только речникам и только по заборным книжкам, Маруся с изумлением смотрит на полки, заставленные продуктами.

– Это все можно купить?

– Можно-можно. – Дворкин передает книжку продавщице и начинает диктовать: – Тридцать банок тушенки.

Продавщица записывает.

– Три мешка муки.

Женщина пишет.

– Ящик макарон. Ящик сливочного масла. Соленого. Ящик топленого. Сгущенки – она у вас какая?

– В трехлитровых.

– Одну. Нет, две.

Маруся близка к обмороку.

– Гречки – десять. Пшенки – пять. Риса – пять. Манки – три. Сахара – пятнадцать.

Соли – пять...

– Берите больше, рыба соль любит.

– Пиши десять.

– Дядя Петя, – со страхом спрашивает Маруся, – а как мы это унесем?

– А у меня личный катер! У начальника пароходства «Служебный-один», а у меня «Служебный-два»!

Мимо, нещадно дымя, проходит портовской буксир. Дворкин машет рукой в открытую дверь плавакки. Буксир подваливает к борту, из окна рубки высовывается усатое лицо:

– Здорово, кум Дворкин! Подбросить, что ли?

– Уважь старика!

– Какой ты старик! Ты еще трех молодых загонишь!

– Это уж точно, – бормочет продавщица, слюнявя карандаш.

– А как насчет сижка-омулька?

– Когда тебя Дворкин без рыбы оставлял?

– Не обижал, не спорю, но напомнить не грех!

– Да и мне бы, – бормочет продавщица.

– Максимовна! Вот такого омуля тебе привезу, сам поймаю! – Дворкин делает жест рукой, увидев который, капитан буксира валится от смеха на штурвал, но продавщица пишет, не поднимая головы, и не видит, а Маруся ничего не понимает.

Маруся проходит на палубу буксира, усатый капитан зовет ее в рубку, но Маруся отрицательно качает головой. Она смотрит на город, окруженный синими горами, на понтонный мост, по которому туда и сюда едут желтые автобусы и зеленые грузовики, на набережную, по которой в тени деревьев прохаживаются горожане. Дышится ей легко, она чувствует себя птицей, вырвавшейся из неволи, и еще не знает, куда ей лететь, ведь все пути и страны света открыты ей, вольной, красивой, сильной.

* * *

Дима и Андрей с рюкзаками-сидорами за спиной, с чемоданами и сумками в руках, идут с пригородной станции мимо деревянных бараков на пустыре, потом долго-долго вдоль высокого забора с колючей проволокой. За забором, звеня цепями, с хриплым лаем бегают собаки.

– Что там, Андрей, тюрьма?

– Речной порт комбината «Норд». А на самом деле тюрьма. Зона. Лагерь.

– На берегу такой красивой реки...

– А возьми Питер. Где там «Кресты»?

– Не знаю.

– А Петропавловка?

– Прямо на Неве, в центре Ленинграда.

– Тюрьма всегда в центре. Возьми Москву: Лубянка, Таганка...

– Я, когда демобилизовался, ночью шел пешком от Кремля по набережной как раз до Таганской площади, потом перешел по мосту на набережную Горького, вышел к Павелецкому вокзалу... Иду – молодой, свободный, счастливый!

– И тебя, такого счастливого, не забрали?

– За что?

– А вдруг ты вредитель? Ты же мог спокойно мост взорвать или подложить мину под Павелецкий вокзал. А там, между прочим, священная реликвия находится.

– Какая еще реликвия?

– Паровоз, на котором Ленина из Горок привезли. Мертвого.

– Да-а? А я не знал.

– Не знаешь, а ходишь! Знать надо, где ходить, когда ходить, с кем ходить...

– А я – один...

– Тем хуже! Человек не должен оставаться один! Нигде! Никогда! Ни на минуту! Вдруг ты задумаешься?

– Что же в этом плохого?

– Это самое страшное, что может произойти с человеком. Ведь если он задумается, он непременно начнет размышлять о том, почему у нас говорят одно, а делают другое, почему честных наказывают, а подонков награждают, почему не дают работать хорошо, красиво, со смыслом, почему...

– Дорогу! Посторонись!

Они оглядываются. На них бесшумно, страшно, безмолвно, мерным шагом наплывает толпа эзков под конвоем. Они отступают к самому забору, ставят поклажу на землю, стоят, смотрят на колонну: Андрей, криво усмехаясь, Дима с застывшим удивленным взглядом.

Первые ряды уже завернули к проходной, а колонна все идет и идет мимо Андрея и Димы.

Замыкает колонну начальник конвоя.

– Кто такие? Документы есть?

Дима лезет в карман за паспортом.

– Рыбаки, на лихтер грузимся, – глухим, непохожим голосом говорит Андрей.

Начальник конвоя взглянул повнимательнее:

– В одном караване, значит, пойдем?

Уловив испуг на лице Димы, успокоил:

– Они смирные, это все – пятьдесят восьмая. С ними хлопот немного.

– А с кем много хлопот? – простодушно спросил Дима.

Начальник конвоя помолчал. Потом кивнул на Андрея.

– А вон, спроси у товарища. – И, словно продолжая когда-то начатый разговор, спросил у того: – Угадал?

– Угадал, – вздохнул Андрей.

Начальник конвоя быстрым шагом догоняет колонну.

* * *

Поздним вечером караван учален и взят на буксир парохода «Иосиф Сталин». Первым в счале идет лихтер, за ним на длинном тросе (по-флотски он называется «больная») тащится баржа-тюрьма. В трюме нары в три яруса. Заключение укладываются под тусклым светом фонаря «летучая мышь» в два ряда, один ряд головой к борту, другой головой к краю.

– Ну, Александр Ксенофонович, с новосельем вас!

– И вас, голубчик.

– Блатные-то, Александр Ксенофонович, и здесь наверху.

– Наверху – это не значит ближе к Богу.

– Я подвинусь, располагайтесь поудобнее.

– Поудобнее, знаете, где всем нам будет? На том свете!

– А вы верите в тот свет?

– Верю, не верю... Не в этом же дело.

– А в чем же, Александр Ксенофонович?

– А в том, что положат нас с вами в яму, забросят мерзлой землей, и ни дети, ни внуки к нам не придут, не помянут... Вот что главное!

– А я верю в свое возвращение.

– Да, ваше племя такое, ничем его не изведешь...

– Эй! Что-то нонче Агитатора не слышно! Лекцию бы прочитал али стишки какие!

– А у него книжку отобрали!

– Это «Славим Отечество» что ли?

– Ту самую. Раз ты враг народа, то тебе не полагается за советскую власть агитировать. В тамбуре стоит конвойный. Другой прохаживается по мостику.

Пароход выбирает якоря и выводит караван на середину реки. На капитанском мостике комсостав в кителях. Совсем рядом набережная, с которой доносятся музыка, голоса, смех, слышно, как под ветром шуршит листва тополей и кленов.

В своем кабинете под большим портретом Сталина сидит начальник пароходства. Увидев в окне силуэт корабля с высокими мачтами и трубой, выходит на балкон.

Маруся стоит на правом крыле мостика, вдыхает влажный воздух реки, ловит запахи еще не отцветшей сирени, слушает музыку и представляет себя там, среди них, она танцует с ним, со светловолосым, похожим на витязя из сказки. И не знает Маруся, что он совсем рядом, в пятидесяти метрах отсюда, на носу лихтера, тоже стоит и смотрит на город, словно прощаясь с ним навсегда.

– Маруся! – кричит из рубки Дворкин. – Сейчас на оборот пойдем! Иди к штурвалу!

Пароход дает отвальный гудок и поворачивает от набережной, и вот он уже идет мимо каравана вниз и караван медленно следует за ним, и вскоре остаются позади набережная, и причал у старого базара, и порт за колючей проволокой. Пробежали мимо дома и огороды казацкой слободы, караван входит в узкое горлышко переката, пароход гудит, предупреждает идущих снизу: «Дайте дорогу!»

Маруся помогает Дворкину крутить тяжелый только на вид штурвал, на самом деле он идет под рукой легко, словно подчиняясь какой-то силе.

– Гидравлика! – объясняет Дворкин, показывая рукой на черные лоснящиеся трубы. – Системы Атлас Империалис!

В трюме лихтера такие же нары, что и на барже-тюрьме, но под потолком горит электрическая лампочка. Рыбаки укладываются на нарах. И здесь стоит такой же гул и гуд, как и в трюме баржи.

Андрей и Дима давно уже ежатся в своих рубашках, но страшно им идти в тесный и душный кубрик рыбаков.

– А знаешь, давай расположимся прямо на палубе, – предлагает Андрей. В темноте не видно его унылого носа, в голосе дружеское участие. – У тебя что из теплого?

– Свитер, тужурка меховая, шапка.

– А у меня, брат, целое богатство – спальный мешок. У геолога на бутылку поменял. С набором простыней и тулупом.

– У тебя и тулуп здесь?

– Здесь!

– Так чего ж мы?

Перед сном Дима в наброшенном на плечи тулупе подходит к борту и смотрит на корму, где идет на длинном буксире-больной эта страшная баржа с сооружениями, похожими на качели. Вдруг на мостике на мгновение ему видится что-то знакомое, но видение тут же исчезает.

* * *

Начальник конвоя медленно и с удовольствием готовится ко сну. Снимает сапоги и ставит их в ногах кровати, аккуратно расправляет на голяшках сапог портянки. Вешает на спинку стула гимнастерку, на сиденье размещает галифе и широкий командирский пояс. Сует пистолет в кобуре под подушку. В белом исподнем валится навзничь и с остервенением, подвывая от удовольствия, чешет, нога об ногу, опрелости между пальцами.

В каюте детей брат с сестрой спят «валетом».

Толстая шкиперша мается на своей кровати, ворочается, вздыхает. Она не может заснуть от мысли, что рядом, за тонкой фанерной стенкой, спит здоровый, крепкий, молодой мужчина.

Шкипер сидит на своей кровати, крутит настройку радиоприемника. Обрывки речи, музыки, шум эфира.

– Да выключи ты!

– Ти-ха! – свистящим шепотом кричит шкипер. – Я так думаю, что Сталин при смерти, вот-вот объявят.

– Ой, а как же мы?

И непонятно, то ли за весь советский народ горюет шкиперша, то ли за свою семью, живущую за счет ээков?

– А я так думаю, что товарищ Берия не хуже поведет нас вперед. Ох и умный мужик! Сталин войну выиграл и думает, ну все, я теперь самый главный! А тут Трумэн атомную бомбу сделал втихаря: нет, я самый главный! Берия и говорит: «Товарищ Сталин, дайте мне полную волю, сделаю я вам бомбу!» Ну, Сталин дал ему полную волю. Собрал Берия в одном месте всю науку и говорит: «Что хотите просите, и масла любого, и сахару сколь угодно, и колбасы, и конфет, и коньяк пейте в три горла, только сделайте мне бомбу к такому-то числу!» А мужики-то у нас башковитые, им бомбу построить – раз плюнуть. Но для атомного пороха специальный завод нужен. И решили его построить на самом далеком севере, под землей, чтобы никто ничего не разведal и близко подойти не мог. Собрали всех врагов народа и повезли их на Север... Так что, видишь, Клавдея, с каким делом мы с тобой связаны?

Но «Клавдея» ничего не видела и не слышала. Она спала, сотрясаясь всем телом от громкого храпа.

* * *

Капитан парохода «Иосиф Сталин» проходит коридором, где пол застлан ковром, останавливается перед дверью с надписью «Медпункт», осторожно стучит. Молодая женщина, отдаленно напоминающая ту, что днем деловито направлялась в отдел кадров, в накинута на ночную сорочку белом халате открывает дверь:

– Товарищ капитан?

– Давайте договоримся, – говорит капитан, перешагивая через порог. – Вы перед ночной вахтой осмотр мне делаете: пульс, давление. Ответственность, сами понимаете, огромная, а здоровье уже не то.

– Да-да, конечно. Я понимаю. Подождите, я сейчас. Вы пока раздевайтесь.

Она скрывается за бархатной занавеской, чтобы привести себя в порядок, но капитан входит вслед за ней в ее каютку, смежную с медпунктом:

– И вы тоже.

– Что?!

Он снимает с ее плеч халат, подталкивает к кровати, приговаривая добродушно, почти по-отечески:

– Дорога у нас с вами длинная, на все лето. А вы женщина красивая, видная, аппетитная. Мужики вас живьем бы съели, да и вы не выдержите рано или поздно. А мне порядок нужен. Вот и будете под моей защитой. Не пожалеете: старый конь борозды не портит.

Женщина, словно загипнотизированная, ложится на кровать, остановившимся взглядом следит, как он неторопливо, словно нехотя, раздевается.

* * *

Дима сбрасывает с себя тулуп и поднимает голову. Андрей смотрит на него из отверстия мешка, отороченного желтоватой застиранной простыней.

– Доброе утро, сир! Что вам подать на завтрак?

– Доброе утро, старина. Я бы предпочел обычный английский: яичницу с беконом, жареные тосты, масло, джем, кофе, яблоко и стакан сока.

– Изысканно. – Андрей приподнимается на локте. – Неужели у этих буржуев так каждый день?

– А мне приснилась она, – говорит Дима. – Та, вчерашняя. Маруся. Как будто она здесь, с нами, на лихтере.

Он замолкает. Вдоль борта идет Маруся. На платье наброшена брезентовая куртка, волосы распущены, взгляд устремлен в даль: она впервые видит Енисей в его среднем течении, где много столь знакомого, близкого – и полянки в изумрудной зелени, и березки, и в то же время так дико и тревожно надвигается тень тяжелой дремучей тайги, холодного дикого Севера! Пароход «Иосиф Сталин» иногда скрывает пелена дыма из его высокой и толстой трубы, и можно представить, что лихтер идет сам, повинувшись ее, Марусину, желанию, и если б она захотела, то взмыла бы над водой и землей, чтобы увидеть их сверху и крикнуть всем там, внизу, что какие вы маленькие и мелкие, надо подняться и полететь хоть раз в жизни!

Маруся оборачивается и видит Диму. Он стоит перед нею на коленях, со всклокоченными волосами и багровой складкой на щеке от шва тулупа.

Марусе радостно, смешно, непонятно.

– Вы? Вы здесь?

– Вы здесь? – как эхо повторяет Дима. – Так это не сон? Это я вас видел ночью?

Дима встает на ноги. И, еще более пораженный, подходит к борту.

– Какая красотища!

– Сир, прежде чем говорить с дамой о красоте, надо умыться! – Андрей бросает ему короткое вафельное полотенце. – А вы, красавица, не сердитесь на меня за вчерашнее?

– Ой, да что вы! А вас как зовут?

– Андрей.

– Дима. А вас Маруся, я сразу запомнил.

– Запомнил – забудь, – смеется Маруся.

– Ни за что! – клянется Дима.

– Ой, – говорит Маруся, – вы идите скорей умывайтесь, пока народ не поднялся. Я покажу!

И идет впереди с уверенностью маленькой хозяйки этого большого железного дома.

* * *

Шкиперша кормит завтраком начальника конвоя. Перед ним на столе стопка блинов на тарелке, кружка ароматного китайского чая, горячее масло в блюде. Русская печь накануне побелена, кажется, это и не баржа вовсе, а обычный деревенский дом и вот-вот замычит корова или пропоет петух. Но вместо этого снаружи раздается басовитый гудок парохода.

– Кушайте, Федор Федорович, кушайте. – Шкиперша присаживается напротив, с откровенной б...дской улыбкой смотрит на начальника конвоя. – На обед щец приготовлю, самых настоящих: вилок свежей капустки на Злобинском рынке купила. Как знала!

– Я борщ люблю. Густой, чтобы ложка стояла.

– А вот на стоянке свеклой разживемся да сальцем – я вам такой борщ заварю, все встанет! Галифе порвете!

– У меня галифе крепкие!

– А в галифе?

– И в галифе все в порядке. – Спокойно смотрит на шкипершу. – Женщина вы, я вижу, аккуратная, блюдете себя...

– Блюду, – смеется шкиперша, – ох, блюду!

– ...вот после обеда и проверим!

Шкиперша наклоняется через стол, громко шепчет:

– Я, как обедом вас накормлю и вы отдыхать приляжете, приду вроде как кваском вас угостить. А вы уж моему бутылку-то поставьте за работу, за клетку эту...

Начальник конвоя деловито сворачивает два блина, жует, запивает чаем.

– А еще, Федор Федорович, – жарко шепчет шкиперша, – я вас в баньке попарю, я люблю с мужиками в бане...

– Супруг-то ваш, Клавдия Михайловна, на сколько старше?

– Супруг? Какой он супруг – больной да порченный... Его немки испортили, он теперь по-людски-то ничего делать не умеет. А на сколь старше, я и не спрашиваю, на что мне. Как мой первый законный – силы, что у жеребца, ровня моя, красавец, ну прямо как вы, – на фронте пропал, тут этот прилабунился. Я тогда в леспромхозе работала, на раме с мужиками. У меня уж девка была, а он с войны вернулся и с сынком один остался, бабу у него забрали да сослали, до сих пор ни слуху ни духу. Так и живем, и там не разведенные, и здесь не расписанные...

Начальник конвоя встает, оправляет гимнастерку:

– Ну, накормили, напоили, теперь можно наравне с голодными биться.

– Вы подождите, Федор Федорович, я вас так откормлю, жена не узнает!

Начальник конвоя выходит на палубу. Лысый шкипер увлеченно колотит клетку из свежеструганных реек. Возле него с чурочками-обрезками возится босоногий мальчик лет девяти.

– Верка, стамеску подай! – кричит шкипер.

Голенастая белобрысая девочка-подросток с красным прыщеватым лицом медленно подходит к шкиперу, держа руки за спиной:

– А ты полай!

Шкипер замахивается на нее, но останавливается, встретив взгляд ее пустых светлых глаз.

– Дай сюда! Барахло!

– Сам барахло!

Девочка уходит, позвав брата:

– Пошли, Гринь, в «гости» играть!

– Ну как, товарищ начальник, – шкипер кивает головой на клетку, – принимаете работу?

Начальник конвоя деловито обходит клетку, пробует оторвать рейку, та держится мертво.

– Без пользы! – щерится шкипер. – Как в Освенциме!

– Ты не шути так, Степан Степанович! Не надо.

* * *

В рубке лихтера сизо от дыма. Рыбацкий начальник, все в том же дождевике, но с открытой головой, на которой выделяется белая полоска лба над самыми бровями, сидит в переднем углу, под самым окном, и готовит очередную «козью ножку».

– Как, Петрович, – больше для поддержания разговора, чем из делового интереса, справляется Дворкин, – в Енисейске-то за пару дён управимся?

Петрович сыплет на клочок газетки махорку-крупку, сворачивает, слюнявит большим красным языком.

– Бог даст, управимся, Николаич.

– Смотри, Петрович, – весело говорит Дворкин, – не подведи!

– Петрович никогда никого не подводил!

– Да я знаю! Уж сколько мы с тобой на Севера ходим! – Вдруг опускает окно рубки, высовывает голову, кричит:

– Доброе утро, Елена Ивановна! Как спалось?

– Здравствуй, здравствуй, Петр Николаевич! – басит снизу бригадирша. – Да спасибо, только я думала, что забежишь, поможешь устроиться. А тебя на молодых потянуло. Не рано ли?

– В самый раз, Елена Ивановна! Только это племяшка моя, из деревни вывез.

– А-а, я уж испугалась, вдруг до самой Сопкарги одной спать придется? Там-то меня жених ждет, звать Медведь, фамилия Белый.

– Жди меня и я вернусь! – кричит Дворкин.

– Ох, Петр Николаевич, мотри не оммани!

– Во, веселая баба, – оборачивается Дворкин к Петровичу.

Тот кивает, думая о чем-то своем.

– Артисты, ети их мать, – в сердцах говорит он, затянувшись сигаркой.

– Ты о ком, Петрович?

– Да есть тут двое. Интеллигенция драная. Вчера погрузку прогуляли, на ночь на палубе улеглись, кубриком погребовали.

– Ниче, Петрович, Север их выправит. Если что, я им пару ласковых скажу.

– Старший-то с хитрецей, то ли проворовался да сбежал, то ли еще что похуже. А парнишечке учиться бы на доктора аль на инженера, а он – тута, с нами, которые в школе по два коридора прошли.

– Жизнь, она, Петрович, по-всякому поворачивает. Вон как река. Где ты видел, чтобы река была ровной да гладкой, как проспект Сталина?

– Так-то оно так, да только на то она и жизнь, чтобы чему-нибудь да научить.

– Строем, че ли, ходить?

– И строем тоже! – строго говорит Петрович.

* * *

Молодой конвойный, румяный парень деревенского вида, ходит по мостику баржи с автоматом, приглядывает за крышкой трюма, а сам краем глаза, а то и в полный взгляд, следит за Веркой. А та ведет брата на корму, у них там свой уголок, где на столике обломки посуды, треснувшие стаканы, осколок зеркала, чурочки, мутная вода в банке. Они играют: ходят друг к другу в гости, наливают в стаканы «бразжки», пьют, морщатся, занюхивают чурочкой, изображающей кусок хлеба, потом начинают ходить в обнимку, покачиваясь как пьяные, махать руками и петь... Верка становится похожа на разбитную бабенку, у бедного конвойного разгораются глаза, пылают щеки; он чуть не стонет, слюна вожделения выступает на его пухлых детских губах.

В машинном отделении горит неярким светом электрическая лампочка, выхватывая из темноты топку с котлом, трубы паропроводов, генератор, насос-донку, фигуры Кузьмы и Павла. Павел, голый по пояс, подбрасывает уголь в топку, Кузьма деловито регулирует по приборам давление пара и температуру.

Закончив дела, Кузьма поворачивает рожок переговорной трубы, присаживается к столу, на котором – машинный журнал, чернильница, ручка. Кузьма пишет, прислушиваясь к чему-то, слышимому ему одному.

* * *

В рубке лихтера Маруся и Дворкин. Перед Марусей раскрытая лоцманская карта. Дворкин показывает на знаки путевой обстановки, объясняет:

- Видишь, Маруся, во-он перед носом «Сталина» белый треугольник?
- Вижу, дядя Петя, их два, повыше и пониже.
- Это створы. Сейчас повернем, и они будут ровнехонько один под другим.
- Точно, дядя Петя, выравниваются!
- А теперь посмотри за корму. Что видишь на берегу?
- Тоже створы!
- Вот так и ведут караван – по створам. Теперь найди-ка их на карте...

Слышится топот двух пар ног, в рубку входят Дима и Андрей.

– Это кто разрешил? – зычно вопрошает Дворкин и вдруг узнает вошедших. – А, старые знакомые! Заходите, ребятки, вам можно!

«Ребятки» входят, осматриваются.

– Это вы, значит, от стада отбились?

– А мы не в стаде! – дерзко отвечает Дима.

– Э, нет, раз вы в артель вступили, вы уже в стаде, а кто отбивается от стада, тому, сами знаете, что полагается. Как на флоте говорят: хочешь с нами жить в миру, срать ходи в одну дыру!

– Дядя Петя! Бессовестный! – смеется Маруся.

Дима подходит к Марусе, кивает на карту:

– Изучаете?

– Ага! Вот, смотрите, бакена, здесь они черные и белые, а на самом деле они белые и красные, – тараторит Маруся словно выученный урок, – когда вниз идем, белый бакен слева, красный – справа...

Они склоняются над картой, Дима касается щекой Марусиных волос, ему щекотно и необыкновенно приятно.

Подходит Дворкин, закрывает карту:

– Посторонним судовую документацию – нельзя!

– Да какие мы посторонние? – удивляется Дима. – Мы же на работе, как и вы.

Дворкин поднимает вверх толстый палец:

– Указ от 9 мая 1943 года!

– Указ этот, поди, отменен, – подает голос Андрей. – И зря вы так. Ведь мы работать едем, должны знать свой объект. Вы бы нам показали карту Севера: где нас высадят, где мы рыбачить будем.

– Карту Севера? – переспрашивает Дворкин. – Да вы что, ребятки? Там штамп Наркомата обороны стоит! Это же военный документ!

Привалившись толстым животом к штурманскому столику, рассказывает:

– Стояли мы в сорок втором на Диксоне, у причала. Я тогда на другом лихтере помощником плавал. Поздно уже, снег лежал. И вот утром, темно еще было, раздались взрывы. Один! Другой! На одном «моряке» пожар начался, а все знали, что некоторые суда были погружены взрывчаткой. Тут снова взрывы, теперь уже невдали от нас. Я к шкиперу: «Так и так, на рейд надо отходить!» Шкипер давай сигналить. Пароход подошел к нам, взял на буксир и увел из-под обстрела.

– А кто стрелял, дядя Петя?
– Как кто?! Немецкий крейсер. А перед этим он наш ледокол потопил. Все погибли. Только один кочегар добрался вплавь до берега, на острове целый месяц жил...
– А что потом? – спросила Маруся.
– Герой Советского Союза летчик Черевичный прилетел и спас моряка.
– Прямо как в сказке, – усмехнулся Андрей.
– А у нас, – внушительно сказал Дворкин, постучав зачем-то по переговорной трубе, – сказка всегда становится былью. Разве товарищ Сталин оставит кого-нибудь в беде?
Он открывает карту, тычет толстым пальцем:
– Вот этот остров. Как раз тут начнем высадку. Сюда же в сентябре придем для сбора бригад.
Андрей внимательно смотрит на карту, пытаясь, видимо, представить себя на месте моряка: холод, голод, ужас полярного одиночества.

* * *

Конвойный на мостике баржи беспокойно озирается: он потерял Верку из виду, она словно сквозь землю, то есть сквозь палубу, провалилась.
Внизу под ним шкипер собирает обрезки рейки и инструмент. Отходит, любуется делом рук своих. Улыбка удовлетворения озаряет его темное сморщенное лицо. И тут как пилой по жилам:
– Обедать иди, лысый хрен!

* * *

В каюте начальника конвоя полумрак, единственное окно занавешено. Клавдия, в одной нижней сорочке, сидит в ногах узкой железной кровати: вдвоем лежать здесь можно только в известном положении.
– Ой, Федя, как я тебя ждала! Всю зиму! Мой-то все весну ждет не дождется, как он в первый рейс на барже выйдет, он этой рекой просто болеет, а я – другого жду. Что вот пригонят колонну, а начальником у них – офицер! Молодой! Здоровый! Красивый!
Начальник конвоя, который ощущал себя не очень молодым, здоровым и красивым, да и офицер он – так, самый маленький, почувствовал почти что ненависть к этой крупной бабе с жидким пучком волос на маленькой тупой головке.
– И ты... каждый раз? С каждым?..
– Да сколько вас, каждых-то? – искренне удивляется Клавдия. – Что я, мужика не могу иметь, хотя бы раз в год, но чтоб досыта?
– Можешь, – бормочет он и поворачивается, устраиваясь поудобнее, а она понимает его движение по-своему, валится на него, накрывает большим телом, ерзает:
– Ну! Ну!
– Не понукай, – хмурится он, но против воли тащит ее сорочку по толстым бедрам, освобождается от исподнего сам, она приподнимает голый огромный зад и, медленно покачивая им, снова опускается на начальника конвоя все с тем же односложным, но с разными интонациями:
– Ну! Ну? Ну-ууу!!!

* * *

За стеной на такой же узкой койке спит шкипер, свесившись ногами в кирзовых сапогах на пол. На столе пепельница, полная окурков, у кровати на полу полупустая бутылка водки. Светится глазок радиоприемника «Родина», сквозь шум, треск, завывание эфира доносится торжествующий голос диктора:

– ...первым свою подпись под Стокгольмским воззванием поставил генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин, главный защитник мира во всем мире!

* * *

Молодой конвойный, сменившись с поста, ходит по корме баржи, ищет Верку. Вдруг его внимание привлекает квадратное отверстие в палубе, неплотно прикрытое деревянной крышкой. Он опускается на колени, приподнимает крышку, смотрит. Глаза долго не могут привыкнуть к темноте, но уши чутко улавливают Веркин голос, он незнакомо, волнующе нежен, гибок, певуч:

– Цыпочка моя, лапочка, лоскуточек, тряпочка!

Наконец молодой конвойный видит Верку, она лежит прямо перед ним внизу, на каких-то тряпках, задрав платье, и поглаживает руками темный лобок, а рядом сидит, зачарованно следя за ее действиями, мальчик, ее сводный брат. Но вот Верка тянет его на себя, снимает с него штанишки, и мальчик тычется в нее, старательно и бестолково, как заведенный.

Конвойный со стоном отползает от люка.

* * *

Дима и Андрей стоят у борта, смотрят на баржу-тюрьму.

– Сколько у нашей страны еще врагов! – взволнованно говорит Дима. – И ведь как маскируются! И в партию пролезли, и в армию, и на посты большие! Кому же верить, Андрей? Кому верить?

– Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

– Что это?

– Не что, а кто. Михаил Исаковский. «Слово товарищу Сталину».

Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расплаты не уйти врагам.

– Ты прав, надо верить только товарищу Сталину. Если бы не он, мы не победили бы фашистов. Страшно представить, что было бы!

– А что страшного?

– Да все страшно! В рабстве у врага!

– А сейчас ты не в рабстве?

– Я – свободный советский человек!

– А это? – кивает Андрей на баржу-тюрьму. – Разве не рабство?

– Это наши классовые враги! И без ужесточения борьбы с ними нам не построить коммунизм!

– Палач так же несвободен, как и жертва. Свободными можно стать только вместе.

– Ты что? Выпустить преступников?

Андрей цедит медленно, словно нехотя:

– Каждый имеет право на преступление.

– И мы с тобой?

– Каждый!

– И на убийство? Неужели ты смог бы отнять чью-то жизнь? Не на войне, а так?

– А если война в душе?

– А совесть?

– А она сама может убить – если ты не убьешь. Совесть – страшнее любого лагеря.

– Ты серьезно?

– Нет, я смеюсь. Ха! Ха! Ха!

Появляется Маруся, на этот раз она в черных сатиновых шароварах и тельняшке с подвернутыми рукавами; волосы уложены в тяжелый узел на затылке.

– О! – говорит Андрей. – Сама Афродита!

– Вам бы смеяться. А дядя Петя сказал, чтобы я по-рабочему оделась. Палубу буду мыть.

Дима порывисто произносит, не сводя с нее глаз:

– Вам очень, очень к лицу!

– А вот товарищу не нравится!

Андрей прижимает руку к сердцу:

– Нравится, ей-богу, нравится.

– А бога нет! – бойко парирует Маруся.

– А что же есть?

– Есть материя, то, что видят все.

– И все?

Маруся растерянно смотрит на Андрея.

– А что такое родина?

– Ну это... Наша страна, которую надо любить.

– А ты ее видела?

– Да как же ее увидишь? – смеется Маруся. – Она ж большая!

– А Бог – он еще больше! – говорит Андрей и уходит.

Маруся глядит ему вслед.

– Он что, и впрямь в бога верит?

Дима встает рядом с Марусей, нежно смотрит на нее с высоты своего роста.

– Не думаю. Наука давно доказала, что бога нет. Сейчас такие чудеса в мире происходят, что никакому богу не под силу. Ты радио слушала?

– Про что?

Дима смеется:

– Я вообще спрашиваю.

– Конечно! У нас в деревне радио на столбе, а у дяди Пети есть радиоприемник!

– Представь: в Москве говорит товарищ Сталин, а ты его слушаешь в своей деревне!

Разве это не чудо?

– Так это по проводам передают!

– А здесь, на лихтере, какие провода?

– Я вспомнила, мы изучали немного. Это радиоволны!

– Вот! А есть еще электроволны! Например, ты включаешь лампу – и зажигается электрический свет!

– Это я знаю, к нам в деревню тоже скоро проведут электричество.

– Но оно передается по проводам, а скоро будет так: стоит такой же приемник, как радио, и все, никаких проводов. Ты включаешь его, и загораются электрические лампочки. Можно где угодно будет так получать электричество – на полярной станции, на острове, где живут рыбаки!

– А ты почему в рыбаки пошел, а не в институт?

– А мне жизнь повидать захотелось! Что я знал? В школу ходил, музыке учился, с тетей Зиной английским языком занимался, на катке катался, в пионерский лагерь ездил. В армию взяли – тоже ничего не видел, война уже кончилась. А тут такая возможность: себя испытать, свои силы. Да и матери помочь. Говорят, у рыбаков заработки большие.

– Я тоже маме помогать буду. – Маруся вздыхает. – Когда я уже увижу ее.

– Ты приедешь или она приедет к тебе.

– Кто? – смеется Маруся. – Деревня что ли?

Не о матери скучала Маруся, а о деревне своей, словно предчувствовала, что никогда уже не увидит ее: пожалела судьба-злодейка, а погубили руки людские, управляющие громадными машинами. Через пятнадцать лет превратится ее милая быстрая река в мутное, без течения, штормовое море, под волнами которого навсегда будет погребена Марусина деревенька, и даже дом ее не станут вывозить на новое место, посчитают нерентабельным.

* * *

Поздний вечер, но еще по-северному светло. Караван делает оборот перед знаменитым порогом, который откроется только с рассветом.

На скалистом берегу бакенская избушка, мачты с шарами и треугольниками.

– Федор Федорович, – кричит шкипер, – давай-ка сплаваем к бакенщику, рыбкой разживемся.

– И я с вами! Сметанки возьму! – встречает Клавдия. – И молочка бы не мешало.

– Да что мы, сами сметанки не возьмем? – возражает шкипер. – Сиди на барже, стереги врагов народа.

Оглядывается на начальника конвоя: ловко, мол, я ее. Начальник конвоя хранит молчание, не поощряющее продолжение разговора в таком направлении.

Шкипер спускает на воду лодку, и они с начальником конвоя плывут к каменистому берегу. Федор Федорович в дождевике, скрывающем его погоны и канты, на голове накомарник, услужливо предложенный шкипером.

Поднимаются по узкой тропке к домику. Перед ним аккуратные грядки. Недавно прошел дождь, краски предельно чисты, тревожаще пахнет полынью и укропом.

Пока шкипер торгуется с бакенщиком, Федор Федорович с неожиданной для себя покорностью идет под навес вслед за женой бакенщика, одетой в ватник и до самых глаз постароверски повязанной платком. Та льет молоко, накинув на ведро марлю, накладывает в кастрюлю ложкой густой, как масло, сметаны и между делом приговаривает:

– Как в прорву, все как в прорву, везут и везут...

До начальника конвоя не сразу доходит, что речь идет не о его ненасытной утробе, а о той «прорве», которой он служит сам, от которой получает, со всякими надбавками, страшно сказать, какие деньги, да еще на всем готовом, и гимнастерка, и сапоги, и брюки диагональные – все от этой прорвы, а сколько можно еще вот так, без счету, но по закону – и тушенки, и макарон, и рыбы всякой, и икра у него на столе не переводится, и выпивка дармовая. И вдруг Федор Федорович плотнее запахивает дождевик, ему почему-то не хочется, чтобы бакен-

щица увидела его галифе с кантами да гимнастерку с погонами, а ведь как надо бы? Документы спросить, может, прячется тут, в глухом углу, без документов, опера вызвать, но эти зеленые берега, тихая вода, запах травы после дождя что-то сделали с его душой, или что там у материалиста и коммуниста Ф. Ф. Козлова вместо нее было. И деньги он вывалил не считая, и уж бакенщица сама отобрала, сколько посчитала нужным, а остальное отодвинула, и он не смог, как хотелось ему, впервые в жизни сказать: «Берите! Все берите!» Что-то он такое в этой бакенщице увидел, чего давно не встречал уже ни у кого: достоинство, то, от чего отвык за эти годы, как отвыкали узники прошлого от света, а нынешние – от тьмы, потому что вынуждены круглые сутки жить при электричестве, как отвыкают на Севере от солнца, от зеленой травы, от цветов, от запаха полыни и укропа.

А баба в ватнике смотрит непривычно прямо и смело своими усталыми, с темными полукружьями, глазами и говорит то, за что в их мире пригвождают, выкорчевывают, вырывают с корнем, предают пламени, как заразу, как чуждое, угрожающее самим устоям Системы, которую обязан Федор Федорович защищать, не жалея никого.

– Когда же это кончится? Когда же этот ирод захлебнется кровушкой народной?

* * *

Дима и Андрей лежат в своих «постелях» на деревянных щитах от трюма, смотрят в звездное небо, разговаривают.

– Вот ты говоришь, – начинает Дима, – про двадцать первый век. Как думаешь, коммунизм уже наступит?

Андрей вздыхает.

– Думаешь, нет? А когда же? Смотри, как за пять лет мы выросли, окрепли, промышленность перешла на мирные дела. А за пятьдесят-то лет? Каждому радиоприемник, мотоцикл...

– Зачем твоей тетушке, к примеру, мотоцикл?

– А ей пианино, старое совсем расстроилось!.. Пианино в каждый дом, мебель хорошую, чтоб одежда у всех была красивая. А изобилие продуктов раньше всего будет, вот мы уже не голодаем, а в скором будущем еще лучше будет.

– Коммунизм, Дима, он не в светлом будущем, а в светлом прошлом.

– Только наши враги так могут говорить!

– Это товарищ Энгельс сказал. У меня в рюкзаке его книжечка есть, «Происхождение государства, семьи и частной собственности». Почитай обязательно. Гениальная вещь!

– А у Маркса с Энгельсом и у товарища Ленина с товарищем Сталиным все гениально!

– Общество, Дима, как человек, мечтает быть сильным, здоровым, красивым, сытым, бессмертным. А ведь все это уже было, только в разные годы: молодость, сила, здоровье, даже бессмертие – пока человек не знает понятия смерти. Остается только сытость. Но ведь это не цель, а только одно из условий существования.

– Так что же? – в голосе Димы неприкрытая детская обида. – Коммунизма не будет?

Андрей молчит.

– А товарищ Сталин говорит...

– Надо вернуться назад, – говорит Андрей, – и снова все назвать своими именами. Земля. Дом. Честь. Уважение. Достоинство. Мое. Наше...

– А при коммунизме все будет общее!

– Тебе нравится это общее? – показывает Дима рукой, и непонятно, что он имеет в виду, переполненный рыбаками кубрик или кишачий зэками трюм баржи. – Что же ты убежал, отделился? И зачем тебе мотоцикл? Тебя и привезут, и отвезут, и построят, и поведут. Вот

это и есть коммунизм, осталось только немного: чтобы каждый считал это пределом своих желаний и идеалом свободы.

– Так это, – сухо, с осуждением, говорит Дима, – лагерь какой-то получается.

– Лагерь – всего лишь одна из форм организации общества.

– Правильно! Преступного общества!

Андрей направляет в Диму палец, словно целится из пистолета:

– Это ты сказал!

И лезет глубже в свой мешок, давая понять, что разговор окончен.

* * *

– Вот вы, Александр Ксенофонович, «племя» наше, видимо, ответственным за все это считаете, раз в революции были не из последних и сейчас на больших постах...

– Да потому что вы больше нас, русских, знаете, что нам надо. «Свобода, равенство, братство...» А может, нам, русским, и не надо ничего этого? В общем стойле все друг другу братья, для нас свобода и равенство – в общем корыте. И вот нас снова в стойло возвращают...

– Так ведь стойло это – лагерь!

– И правильно, раз не захотели в тепле да сытости жить. А кто виноват... Так разве виновата вошь, что она кусает?

– И все-таки вы, Александр Ксенофонович, считаете...

– Ничего я не считаю. И не лезьте, голубчик, ко мне в душу. А мнение мое обо всем этом вы знаете. У врагов народа нет национальности...

– Что доказывает, извините за шутку, наш маленький интернационал.

– Шутка ваша неумна и неуместна. Я врагом народа себя не считаю.

– Агитатор-то наш совсем плохой!

– Ага! Второй день не в себе! Глаза закатит и бормочет, бормочет.

– Молится, што ли?

– Точно! Святому Иосифу и преподобному Лаврентию!

– Эй, Агитатор! Давай вместе молиться. Чтоб твоих коммунистов огнем выжгло, водой смыло и дерьмом накрыло!

– Ха-ха-ха!

Заклученный, которого соседи называют Агитатором, вдруг садится на нарах и, обведя всех блуждающим взглядом, выдыхает слабым голосом:

– Я вспомнил! Я все вспомнил! Вот, послушайте:

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка...

– Заткни ему хайло!

– Мало мы таких вешали!

– Сквозь века на века,
навсегда, до конца:
Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!

– Александр Ксенофонович! Да что же это такое? Эти ж бандеровцы убьют его!

– Конвой! Наведите порядок!

Но конвойный то ли не слышит, то ли не хочет слышать.

* * *

По трапу из трюма поднимается Елена Ивановна, тяжело отдуваясь:

– Фу! Напердели, как кони!

Достает пачку «Беломора», закуривает. Откуда-то, как черт из табакерки, выныривает Павел, теперь он в широченных клешах и застиранной тельняшке.

– Папиросочкой не угостите?

– Свои надо иметь, – басит бригадирша, но пачку протягивает.

– Мерси, – парень выковыривает две папиросы, прячет за ухом. – А я вахту отстоял и – гуляй, Паша!

– Вот и гуляй.

– А может, ето? За счастливое плавание?

– Сливай воду, парень!

Павел замечает Марусю:

– Скучаем?

– Нет, нисколько!

– Может, ето – спрыснем?

– Что – спрыснем?

– Ну, ето – сбрызнем?

– Куда?

– Ну, вмажем?

– Чем?

– Что ты мне падежи склоняешь? Я ж тебе русским языком говорю: погода шепчет, счас бы самое то и – кранты!

Маруся морщит лоб, силясь понять чудаковатого парня.

– Мне дядя Петя ничего про кранты не говорил. Наверное, завтра покажет.

– У, село! Понаехали! Городским не пройти!

Маруся смотрит ему вслед с полным недоумением.

* * *

Начальник конвоя и Клавдия на полу, на матрасе, сброшенном с кровати, неумоимо и монотонно, словно выполняя задание, занимаются любовью.

Молодой конвойный спит в вагончике, раскинув руки, разметавшись, стонет: ему снится Верка, она с ним, и ему так сладко, сладко, сла-адко...

В своей каюте спят шкиперские дети. Лицо Верки, спокойное, обрамленное светлыми волосами, может показаться красивым и по-детски чистым.

Кузьма спускается в машинное отделение, садится к столу, пишет. На его змеиных губах играет улыбка удовлетворения.

В темной, ничем не освещаемой рубке Дворкин уговаривает Марусю идти спать, но она еще полна впечатлениями, выходит на мостик, смотрит на корабль, освещенный огнями; ей кажется, что там днем и ночью кипит какая-то необыкновенная жизнь, но и там в тесных кубриках спят матросы, а бодрствуют только кочегары в машинном отделении да вахтенные в ходовой рубке.

* * *

Раннее утро. Из своей избушки выходит бакенщик, меняет шары и треугольники на мачте. Новое их расположение означает, что порог открыт.

Капитан в кителе, глухой ворот которого обернут горловиной свитера, тянется к ручке звукового сигнала. Мощному гудку вторит таежное эхо.

На барже-тюрьме одни эки под надзором конвойных опорожняют параша за борт, другие разводят огонь в полевой кухне, готовят кипяток.

Шкипер опускает длинную рейку с делениями в палубное отверстие, вынимает, озабоченно смотрит на мокрый след, которой занимает несколько пятисантиметровых делений. Шкипер озабоченно качает головой.

Маруся уже на ногах. Она идет вдоль борта, потом нерешительно останавливается. Ей хочется увидеть Диму, но она сдерживает себя: нельзя же быть такой бессовестной.

Она смотрит на близкий берег, и ей становится грустно и тревожно. Зеленые луга с их запахами трав и цветов теперь надолго отдалены от нее водой, уже не побегаешь просто так, когда захочется. А впереди Север. Как он встретит ее, чем?

Неожиданно раздаются топот ног и крики. Маруся оборачивается и видит, что прямо на нее бежит Кузьма с округлившимися от ужаса глазами и черной ямой рта:

– Петр Николаич! Он меня убить хочет!

За Кузьмой гонится Павел с ножом в руке:

– Попишу падлу!

Маруся в страхе прижимается к перилам. В дверях шкиперской надстройки появляется Дворкин в кальсонах и с ружьем в руках. Кузьма и его преследователь проносятся мимо.

– Сучара! – кричит Павел. – Что ты там про меня успел написать?

Кузьму спасает то, что он знает лихтер как свои пять пальцев, он ловко, по-заячьи, обегает кнехты, лебедки, бочки, штабеля.

Андрей появляется на пути Павла как-то совершенно неожиданно, и так же неожиданно и молниеносно происходит все дальнейшее: нож вылетает из руки Павла прямо за борт, а сам он прижат к палубе, распростерт на ней с заломленными к самым лопаткам руками.

– Ему же больно! – кричит Маруся, но кто ее слышит?

– В шакшу! – гремит голос Дворкина. – В шакшу его!

Вдвоем с Андреем они уводят Павла на корму, а Маруся, сбегав за бинтом, перевязывает Кузьме руку. Дима следит за ее действиями, словно студент на операции знаменитого хирурга.

– Се с сего? – от волнения Кузьма шепелявит. – Се я ему сделал?

– Как же ты теперь писать будешь? – злорадствует появившийся Дворкин.

– Се писать? – Глубоко посаженные глазки Кузьмы начинают бегать независимо друг от друга.

– То и писать, – Дворкин держит паузу, как мхатовский актер. – Объяснительную: что произошло, почему кочегар напал на тебя с ножом.

– А-а! – На губах Кузьмы появляется слабая улыбка. – Это я и левой могу!

* * *

За два захода – с лихтером и баржей-тюрьмой – караван преодолевает порог и вот уже учаливается на нижнем рейде, готовится в дальнейший путь.

На барже уже всю работу делают насосы-качели. Конвоиры выпускают из трюма по четыре зэка, разводят их по клеткам, запирают замки. Зэки сначала раскачиваются неохотно и медленно, но поневоле увлекаются, вода хлещет по лотку за борт.

Сверху, из горлышка порога, появляется белый агиттеплоход, переделанный из трофейной баржи-самоходки. В его помещениях есть кинозал и магазин, а снаружи он обвешан лозунгами. На крыше рубки большой портрет Сталина; генералиссимус словно сам, лично, плывет по великой реке.

Из рупора громкоговорителя, установленного на прожекторе, гремит песня «Не бывать войне-пожару! Не пылать земному шару!», а затем призыв:

– Внимание! Внимание!

Рыбаки выстраиваются вдоль борта в несколько рядов, с интересом и любопытством смотрят на белый теплоход, ждут представления. И только в глазах Маруси мелькает страх.

Над рейдом звучит хрипловатый, с искусственным акцентом, голос:

– Товарищи работники речного транспорта и рыбной промышленности! Товарищи капитаны, штурмана, шкипера и матросы! Товарищи бригадиры и мастера лова! Товарищи повара и кочегары! К вам обращаюсь я...

– ...друзья мои! – нестройным хором заканчивают рыбаки и аплодируют смелой шутке диктора.

– Конгресс сторонников мира, – продолжает тот же голос уже без акцента, – состоявшийся в шведском городе Стокгольме, принял обращение ко всем людям доброй воли. Его подписали уже многие миллионы людей, первым свою подпись поставил товарищ Сталин. Приглашаем вас подписать это обращение. Миру – мир, война – войне!

Рыбаки переглядываются. Многие из них впервые слышат о шведском городе Стокгольме, не говоря уж о воззвании конгресса.

– Подпишите – и все! – говорит другой голос, в котором слышится то ли просьба, то ли угроза. – И вам ничего не будет!

С песней «В защиту мира вставайте, люди» агиттеплоход швартуется к лихтеру. На его палубу выносят стол, накрывают красной скатертью, за стол усаживается пожилой человек в круглых очках и в гражданском костюме с широкими штанинами – лектор-международник. Перед ним стопка бланков и чернильница с обычной школьной ручкой.

– Ну что, – кричит Дворкин, пробираясь к столу, – кто за мир во всем мире? Подпишемся! Отдадим голоса за товарища Сталина!

Первыми подписываются Дворкин, Петрович, Елена Ивановна. Рыбаки, кто посмеиваясь, кто с серьезным видом, подходят к столику, неловко, не с первого раза попав ручкой в чернильницу, ставят подписи.

Дворкин, отойдя от стола, замечает Марусю.

– Подходи, Маруся! Отдай свой голос в защиту мира!

– Нет, – Маруся отрицательно машет головой, – не пойду!

– Как не пойдешь? Разве ты не за мир?

– Не пойду, – повторяет Маруся. – Я боюсь!

– Чего боишься? Тебе же сказал начальник: за это никому ничего не будет!

– Я... Я его боюсь. – Маруся испуганно поднимает глаза на портрет Сталина. – Мне мама сказала, чтобы я ничего не подписывала, а то нас всех посадят.

На борту воцаряется тишина. Рыбаки подходят к столу, но что-то уже изменилось в их поведении, они похожи на подневольных конвоируемых зэков.

Дима бросается к Марусе, обнимает за плечи, отводит от стола к другому борту.

– Ты испугалась, я тебя понимаю, – бормочет он. – Я тоже, когда первый раз голосовал, очень волновался. Мне казалось, что от моего голоса зависит все: и моя жизнь, и жизнь моей мамы, и тети Зины, и всей нашей страны. А потом я понял, что это хороший страх: значит,

я настоящий советский человек, а не какой-нибудь буржуазный выкормыш, которому все равно, лишь бы он сам был сыт. Ты ведь тоже думаешь не о себе, а о всех нас. Что будет, если американцы развяжут войну, сбросят на нас атомную бомбу? Ведь тогда не будет нас с тобой, никого не будет!

Он обнимает, прижимает к себе ее крепкое теплое тело, а она не слышит его слов, ее обволакивает волна счастья. Ей хочется всегда быть в этих руках, видеть эти светлые глаза, которые смотрят на нее с такой любовью.

И Маруся покорно идет за ним к столу и, по-детски всхлипнув-вздыхнув, как после долгого, облегчающего плача, ставит свою подпись на листе.

* * *

На барже-тюрьме слышали голос по трансляции. Конвоиры переглянулись между собой и уставились на начальника конвоя.

– Команды не было! – говорит тот и исчезает в своей каюте. Он впервые слышит о Стокгольмском конгрессе. Поэтому – проигнорировать. Как не было. Все, что не соответствует указаниям, не существует. Так требует его Система.

– Я хочу подписать воззвание! – раздается из клетки по левому борту. – Дайте мне подписать воззвание!

Молодой конвойный ведет автоматом в сторону голоса.

– Прекратить! – кричит он. – Не положено!

Кричавший перестает раскачивать качели, другому зэку одному они не под силу, люлька снижает амплитуду, вода не льется за борт.

– Я инженер, я знаю, что такое атомная бомба! Дайте мне подписать воззвание! Я по закону имею право! Это вам не выборы в Верховный Совет, я был агитатором, я знаю!

– Не положено! Качайте воду!

– Наше время вышло! – кричит заключенный. – Ведите меня в трюм!

Конвоир смотрит на наручные часы. Время еще не вышло, но лучше убрать этого зэка от греха подальше. Он открывает ключом клетку, и тут зэк, оттолкнув его плечом, выскакивает и бежит на нос баржи между бортом и трюмом. Конвоир трясущимися руками закрывает клетку, чтобы не сбежал другой зэк, а когда он вскидывает автомат, беглец уже проскакивает между двух торчащих на самом носу деревянных тумб на трос-больную.

Рыбаки плотной толпой выстраиваются на корме лихтера, следят за смельчаком, который неумело, не по-флотски (те перебираются между баржами на тросе, лежа на нем животом), ползет по низко провисшему канату вниз головой, перебирая руками и ногами.

С баржи раздается выстрел. Заключенный с небольшой уже высоты падает в воду. И тут же кто-то отчаянный прыгает вслед за ним с кормы лихтера.

– Дима! – кричит Маруся. – Дима!

* * *

Дима старается уйти поглубже, чтобы проплыть под баржей, сильно гребет руками, отталкивается ногами. Закончилось темное днище, появился свет, Дима выныривает уже за кормой баржи, набирает воздух и снова уходит в глубину на поиски зэка. И он видит его! Тот плавает, не делая никаких движений, простоволосый, с открытыми глазами, и что в них: обреченность, страдание, освобождение от мук?

Дима хватает беглеца за развевающиеся волосы, со страхом подумав, а вдруг они такие жидкие и слабые, что выйдут у того из головы без сопротивления. Но этого не происходит, утопленник всплывает вслед за Димой, но неожиданно, освободившись от его рук, уходит,

всплеснув руками, в воду. Дима вытаскивает его снова на поверхность, но тот хрипит из последних сил:

– Пусти! Дай умереть на воле!

И Дима смотрит, как зэк снова уходит под воду, теперь уже навсегда.

К нему подплывает Дворкин на моторной лодке, за рулем Кузьма.

– Не нашел, – с трудом переваливаясь через борт, бормочет Дима.

– Наверно, об рули ударился.

– Утопленники на третий день всплывают, – говорит Кузьма.

Подплывает начальник конвоя со шкипером баржи на весельной лодке.

Дима, уже отдышавшись и сняв рубаху, и ему докладывает, что не нашел беглеца.

Начальник конвоя смотрит на него хмуро, подозрительно, недоверчиво и командует шкиперу:

– Давай у берега посмотрим. А вы, – обращается к Дворкину, – подальше вниз спуститесь.

Начальник конвоя внимательно всматривается в берег, пробует веслом дно. Потом они долго возвращаются. Шкипер выбился из сил, но начальник конвоя на весла не садится: не положено.

* * *

В каюте капитана парохода «Иосиф Сталин» собрались хозяин каюты, начальник конвоя и Дворкин. Начальник конвоя поначалу было взял бразды в свои руки, но постепенно инициатива перешла к капитану, мужику тертому, и с клиентами, и с зэками, и с операми поработавшему и знающему, что почем.

– Отправим радиogramму и будем ждать, – предлагает начальник конвоя.

Капитану не улыбается ждать. В дороге каждый при деле, а на стоянке все расхалаживаются.

– Как мне мое руководство скажет, так я и буду действовать, – твердо говорит он. – А пока все должно идти своим чередом. И свою вохру-то разбуди!..

– Это уж мое дело!

– Так ведь просрала твои молодцы! И что там еще за курятники понаставили? Будет в трюме вода – подойду и откачаю!

– Кто просрал – тот ответит! А вот этого, кто прыгнул с лихтера, арестовать надо.

– А он-то при чем? – возразил Дворкин.

– А надо проверить, зачем он прыгнул.

– Как «зачем»? Человека спасти! Парнишка молодой, горячий, из армии недавно пришел...

– А может, они раньше где встречались?

– Да как бы он его разглядел с такого расстояния? – возмущается Дворкин.

– Нет, – упорствует начальник конвоя. – Тут не все чисто. У меня нюх на такие дела.

– Ну вот что, – говорит капитан, – не на псарне. А парень у меня на теплоходе побудет до приезда уполномоченного. Под моей ответственностью.

* * *

Дима спускается по стремянке в мотобот парохода «Иосиф Сталин», вяло приподнимает руку в ответ на порывистое Марусино движение в его сторону. Андрей задумчиво прохаживается вдоль борта.

Начальник конвоя со шкипером уезжают на баржу, и начальник конвоя первым делом вызывает к себе в каюту молодого конвоира.

– Почему не стрелял?

– Не успел, товарищ младший лейтенант. А потом боялся на лихтере в кого-нибудь попасть.

Начальник конвоя смотрит на потное лицо солдата: дурак дураком, а придумал же! Сам-то начальник конвоя, выхватывая пистолет, и не думал о том, что может кого-то поранить: он при исполнении и привык все пространство вокруг считать зоной, а если кто-то и пострадает, то Система все спишет, все оправдает верностью правилу: шаг влево, шаг вправо... А тут явный, неприкрытый побег. Правда, прикрытие все же было: якобы подписаться под воззванием. Сейчас не военное время, бюрократии стало побольше, могут и затаскать, а этот долбак не понимает, что не надо думать, нельзя думать о постороннем, за все ответит Система, не дотумкает пацан-губошлеп, что Система сама себя не съест, и надо не рассуждать, а действовать по инструкции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.